ОБРАЗЕЦ 07

Остров Винтагро

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Катерина Ярыш

Катерина Ярыш

Образец 07. Остров "Винтагро"

«Автор»
2026

Ярыш К.

Образец 07. Остров "Винтагро" / К. Ярыш — «Автор», 2026

Остров, которого не существует. Вирус, который меняет всё. И любовь, ради которой стоит умереть.Добро пожаловать на Винтагро. Остров, стёртый с карт. Зона карантина, где корпорация «Vis Renascendi» экспериментирует над человечностью. Здесь нет законов, пощады и выхода.Джон — бывший солдат. Он потерял всё и приехал на остров по просьбе друга. Но остров готовит сюрприз.Кара — девушка без прошлого. Просыпается в лаборатории, не помня имени, но тело помнит, как убивать. Рядом — пантера Нира.Главная угроза — Прайм. Вирус, который перезаписывает: стирает разум, ломает кости, превращает в хищников.Кинематографичный экшен, уникальный лор, эмоциональная глубина, атмосфера заброшенных санаториев и лабораторий. Эта книга не отпускает. Финал разобьёт сердце, чтобы собрать заново.Готовы ступить на землю, которая наблюдает? Узнать, что скрывает Маяк на краю света? Помните: на Винтагро никто не уходит просто так. Читайте. Переживайте. Выживайте.

© Ярыш К., 2026
© Автор, 2026

Катерина Ярыш
Образец 07. Остров "Винтагро"

ОБРАЗЕЦ 07. ОСТРОВ «ВИНТАГРО»
Катерина Ярыш

Посвящается .

Эту книгу я пишу для тех, кто никогда не поднимется в небо.

Для птиц, которые остались одни. Которых никто не ждет. Которым некуда лететь.

Я живу в городе, где мало перспектив, но много любви к своей земле и семье. Мой путь был непростым, и сейчас я зарабатываю на жизнь рукоделием. Но душе всегда нужен выход, а фантазии — крылья.

Эта история — мой полет. И моя мечта построить настоящий вольер для тех, чьи крылья сломаны навсегда.

Каждый заслуживает второй шанс. Даже если он больше никогда не взлетит.

Потому что любовь не требует крыльев. Она требует только сердца.

Глава 1. Пробуждение.

Тьма давила на грудь, заползала в лёгкие и оседала на языке тяжёлым металлическим привкусом. Кара открыла глаза, но не сразу поняла, изменилось ли что-то вокруг. Темнота осталась прежней — непроницаемой и густой. Только теперь она знала, что у неё есть глаза. И имя.

Кара.

Это одно слово всплыло из ниоткуда. Всё остальное оставалось немым. Она не помнила лица матери, улицы, где выросла, или запаха родного дома. Только имя, брошенное в пустоту.

Она попыталась пошевелиться, и тело отозвалось глухой, ноющей болью. Это была не та боль, что бывает от ушиба или растяжения. Это была боль изнутри, словно кто-то прошёлся отбойным молотком по её костям, а затем собрал их заново, не глядя на чертежи. Где-то в темноте упала капля воды. Звук был крошечным, но в этой мёртвой тишине он прозвучал как выстрел. Кара вздрогнула. Мышцы сжались раньше, чем она успела испугаться, дыхание замерло, и она вся превратилась в слух.

Кара оперлась ладонями о холодный, липкий пол и поднялась. Голова пошла кругом, мир накренился, но она устояла. Где-то в глубине гудел генератор — низко и неровно, словно сердце, которое забыло, как биться правильно. Свет мигнул — раз, другой. Аварийная лампа под потолком загорелась тускло-красным, и мир проступил из темноты, окрашиваясь в цвета запёкшейся крови.

Она стояла в огромном зале. Потолок терялся во мраке — высокий, сводчатый, как в соборе. Но это было не место для молитв. Это было место боли.

Слева располагалась операционная. Тяжёлые хирургические лампы свисали с потолка, как мёртвые глаза хищников. Одна из них всё ещё работала, её тусклый луч выхватывал из темноты металлический операционный стол с ремнями безопасности — отстёгнутыми и болтающимися, словно сломанные конечности. На столе в хаосе лежали скальпели, зажимы и костные

пилы, а на подносе рядом виднелись ножницы с засохшей чёрной коркой на лезвиях. Справа тянулась старая лаборатория. Деревянные столы ломились от колб, реторт и микроскопов, а стеклянные шкафы были забиты бутылками с мутной жидкостью. Воздух здесь был тяжёлым и тошнотворным, пропитанным запахом формалина, меди и сладковатым ароматом разложения, который пробирался под кожу и отравлял мысли.

Кара сделала шаг вперёд, и её босая нога наступила на что-то твёрдое. Она посмотрела вниз. Это был огромный шприц с толстой иглой. Рядом расплывалась тёмная лужа.

И тут сквозь тошнотворную тишину пробился другой звук. Электронный, монотонный, режущий слух.

Пик... пик... пик...

Кара замерла. Где-то в глубине зала, за рядами стеклянных гробов, горел экран единственного работающего монитора. На нём зелёными пикселями прыгала кардиограмма. Сердце билось. Здесь, в этом ужасе, кто-то был жив.

Она медленно двинулась на звук, стараясь не наступать в лужи. Проходя мимо капсул, она заметила, что не все тела внутри были мертвы. Кара остановилась, услышав тихий, но отчётливый скрежет. Кто-то скреб ногтями по стеклу изнутри.

Кардиограмма на мониторе участилась. Прямо перед ней, в одной из капсул, жидкость забурлила. Существо внутри дёрнулось и ударилось о стекло. По поверхности пробежала паутина трещин, и с оглушительным звоном стекло не выдержало давления. Осколки посыпались на пол, а вместе с ними хлынула волна мутной, зеленоватой жижи.

Из разбитой капсулы на мокрый бетон вывалилось нечто маленькое, почти детское. Бледная, прозрачная кожа, через которую просвечивали чёрные вздувшиеся вены, обрывки трубок на спине. Оно не поднялось — у него не было сил. Оно поползло, волоча за собой деформированные конечности, потянулось к Каре. К теплу. К жизни. В его мутных глазах не было злобы — только бесконечная агония и первобытный страх. Оно протянуло к ней дрожащую руку, пальцы коснулись её голой ступни и замерли.

Кардиограмма издала один длинный, протяжный звук, превратившись в прямую линию. Существо дёрнулось в последний раз и обмякло. Монитор погас. Кара смотрела на маленькое, уродливое тело, и её руки дрожали не от страха, а от осознания. Они создали это. Они создали и её. Разница была лишь в том, что она выжила.

Она медленно отступила и двинулась дальше, стараясь не смотреть под ноги. Ряды капсул тянулись вдоль стен, как гробы в морге. Внутри них пульсировало болезненное зелёное свечение. В каждой капсуле плавало тело. Мужчины, женщины, молодые, старые и дети. Некоторые были почти целыми, другие неузнаваемы: у одного из спины росла третья рука с чёрными длинными ногтями, у другой челюсть была разделена надвое. Около соседней капсулы в полусогнутом состоянии лежал голый человек, чьё тело было обглодано и разлагалось. Остатки кожи обтянули череп, как пергамент, а рот застыл в беззвучном крике.

Кара отшатнулась и посмотрела на свои руки. Кожа была чистой. Ни царапин, ни шрамов, никаких следов от трубок. Она подошла к основанию своей капсулы и прочитала металлическую табличку: «Образец 07. КАРА. Стабильна. Наблюдение продолжается». А внизу, красным, словно кто-то писал в спешке, царапая металл: «Образец 07 умер при испытаниях нового препарата».

Кара провела пальцем по своему имени. Значит, она была не первой. Значит, до неё были другие, и все они были мертвы. Кара шагнула — и ногу обожгло холодом. Лужа. Мутная, с плавающими белёсыми хлопьями. Она отшатнулась.

Рядом — ещё капсулы. Пустые. Разорванные изнутри. Осколки стекла торчали наружу, будто что-то вырвалось наружу. Что-то, что очень хотело на свободу. На полу — тёмные, бурые пятна. Кара не стала гадать, что это. Пятна были слишком густыми для воды и слишком тёмными для масла.

Между рядами капсул тянулся узкий коридор. На столах громоздилось разбитое оборудование. На одном из них лежал планшет. Экран был треснут, но ещё светился тускло-синим. Кара коснулась стекла. Появился логотип: круг, разделённый на три части, с острой буквой «V» в центре. Под ним — надпись: «Vis Renascendi. Проект "Возрождение". Секретно». Она нажала на экран, появился список имён. Большинство зачёркнуты, рядом с каждым статус: «Неудача», «Мутация», «Смерть». И только одно имя — её — было выделено зелёным. Экран мигнул и погас окончательно. Кара понимала, что ей нужно двигаться дальше.

Выйдя из помещения, она увидела, что коридор раздваивался перед ней. Налево уходила темнота, прерываемая лишь тусклым красным светом и знаком EXIT. Генератор снова мигнул. Свет на секунду погас — и в этой секунде что-то шевельнулось со странным звяканьем. Не рядом. Далеко. В глубине этого коридора. Эхо раздалось по всему помещению. Небольшое, но пугающее.

Кара задержала дыхание.

Тишина. Потом — металл о металл. Глухо, далеко. Потом снова тишина. Потом — лёгкое шлёпанье по полу. Мокрое. Тяжёлое.

Не человеческое. Слишком много ног. Или слишком медленно. Словно кто-то шёл на четырёх ногах. Или на шести. Ей совсем не хотелось проверять, кто это был. Кара повернулась направо.

Там коридор был длинным и бесконечным, освещённым тусклыми люминесцентными лампами, которые мигали с разной частотой. Стены были облуплены, на полу лежали лужи тёмной жидкости и ржавые пятна. Вдоль стен стояли медицинские каталки с болтающимися ремнями. Двери по обе стороны были закрыты, но некоторые распахнуты настежь.

Первая открытая дверь вела в «Лабораторию 3». Внутри, под тяжёлыми промышленными лампами, тянулись ряды стеклянных контейнеров с зелёным свечением. В каждом плавало что-то маленькое и деформированное. Кара не стала подходить ближе. Следующая дверь вела в «Изолятор». Узкий коридор с арочным потолком был заполнен металлическими клетками. В одной из них лежало что-то огромное и грузное. Остальные были пусты, но из-под решётки в полу доносился слабый запах гнили и чего-то живого. Кара попятилась и ускорила шаг, проходя мимо «Морга». Дверь была приоткрыта, и она увидела металлические столы с желобками. На одном лежало что-то, накрытое простынёй. Из-под неё виднелась серая, вздутая рука с длинными ногтями.

Следующая дверь вела в «Пост наблюдения». Кара заглянула внутрь, надеясь найти хоть какие-то ответы и понять, где она находится. Комната была маленькой, заставленной оборудованием. В углу стояли шкафы с папками и бумагами, покрытыми пылью. На столе стояли четыре монитора. Они были абсолютно чёрными и мёртвыми. Питания не было. Рядом с клавиатурой лежала кружка с давно высохшим чёрным кольцом на дне. Стул был отодвинут. Здесь не было борьбы — человек просто встал и ушёл. Кара провела пальцем по столу. Слой пыли был ровным. Она была абсолютно одна в этом огромном, мёртвом механизме. Почти одна...

В конце коридора был тупик и только одна дверь — «Оружейная». Кара рванула ручку и шагнула внутрь. Комната была огромной, но стеллажи и крепления на стенах были пусты. Виднелись лишь очертания автоматов и пистолетов, которые кто-то забрал в спешке. В центре стоял большой деревянный стол, на котором лежали несколько сломанных, разобранных автоматов с вырванными магазинами и ржавыми стволами. Ящики с патронами были пусты.

Кара взяла один из автоматов, но затвор был заклинен. Она осмотрелась и увидела в углу металлические шкафчики. Большинство были открыты, но один, в дальнем углу за перевёрнутым столом, был закрыт. Кара подошла к нему, вцепилась в дверцу обеими руками и рванула. Металл застонал, замок треснул, и дверца отлетела в сторону.

Внутри, аккуратно уложенная, лежала одежда. Чёрная, матовая ткань не отражала свет, а поглощала его. Куртка с глубоким капюшоном до середины бедра с тяжёлыми металлическими

накладками на плечах, штаны с наколенниками и ремнями. Под курткой, в потайных карманах, лежали метательные ножи. Шесть штук, тонкие и сбалансированные. Но там было ещё кое-что. Меч. Он лежал в длинных чёрных ножнах. Кара вытащила его, и клинок скользнул наружу с тихим, смертоносным шорохом. Длинный, слегка изогнутый, с рукоятью, обмотанной грубой кожей. На лезвии виднелись тусклые бурые пятна засохшей крови.

Она взяла меч, и рука легла на рукоять так, словно делала это тысячу раз. Пальцы сами нашли правильное положение. Кара шагнула в сторону, тело приняло стойку, клинок поднялся. Она испугалась не потому, что боялась упасть, а потому, что тело знало, что делать. Разум был чист, но тело помнило. Клинок свистнул, рассекая воздух, и на бетонном полу осталась тонкая, глубокая царапина. Её сделали не просто подопытной. Её сделали оружием.

Шарканье и звон цепи за дверью стали громче, и Кара быстро натянула форму. Ткань скользнула по коже, ремни затянулись. Меч лёг за спину. И тогда она услышала глухой скулёж. Звук отчаяния и безнадёжности. Угрозы в нём не было — только боль.

Кара двинулась на звук. Стены коридора были изодраны глубокими бороздами — следами огромных когтей. Она вышла в помещение, похожее на столовую. Кухонные шкафы были вырваны, столы перевёрнуты. Единственная люминесцентная лампа мигала, отбрасывая дёргающиеся тени. Пол был выложен плиткой, посередине тянулась широкая тёмная лужа.

Кара напрягла слух. В глубине столовой, там, где свет лампы не доставал до тяжёлой синей двери, раздался тихий металлический скрежет. Она замерла, вглядываясь в полумрак. Там, в самой густой тени, медленно волочилась по плитке толстая ржавая цепь. Звенья тихо звякали друг о друга, уползая в темноту вслед за невидимым хозяином. Кара не могла разглядеть, кто её тянет — только движение, только звук. Но когда её взгляд скользнул ближе к центру комнаты, под мигающую лампу, она увидела вторую цепь.

Эта лежала неподвижно. Она была натянута и уходила под дальний металлический стол. Кара осторожно ступила вперёд и заглянула туда.

Там лежало существо размером с крупную кошку. Густая чёрная шерсть клоками свисала с истощённого тела, обнажая острые рёбра и позвоночник. Чёрная пантера. Совсем кроха. На её шее был тугой ошейник с шипами, намертво впившимися в кожу. Она не двигалась. Глаза были закрыты, и Кара с холодным ужасом поняла, что она мертва.

И тут из той самой темноты, где только что скрылась первая цепь, послышалось тяжёлое, хриплое дыхание.

Кара медленно подняла голову. Из тени, шатаясь, вышло второе существо. Оно было живым, но еле держалось на лапах. Кожа плотно обтянула череп, шерсть слиплась от грязи и крови, местами обнажая розовые проплешины. Та самая цепь, которую Кара видела в темноте, теперь волочилась за ним, звеня по плитке.

Зверь не обратил на неё никакого внимания. Он лишь опустил голову и медленно побрёл к мёртвой пантере. Шаткой походкой он подошёл, ткнулся мордой в холодный бок товарища и застонал. Это был звук, от которого сжималось сердце. Животное легло рядом с трупом и закрыло глаза, его тельце содрогалось, будто оно плакало молча.

Кара медленно опустилась на колени. Зверь поднял голову. Яркие, живые глаза — цвета молодой листвы, с вертикальными зрачками — смотрели на неё с тоской и усталостью. В них не было агрессии, только нежелание жить.

— Ну что ж, ты хотя бы меня не съешь, — голос Кары был хриплым, словно она не говорила годами. — Иди сюда. Тебе придётся мне довериться.

Зверь медленно подошёл и склонил голову. Кара увидела ошейник. Шипы на внутренней стороне. Следы на коже — сколько раз они впивались, сколько раз причиняли боль. Она расстегнула тяжёлый замок. Ошейник со звоном упал на пол. Руки Кары дрожали от неистового, жгучего гнева к тем, кто сотворил это с маленьким существом.

Освободив зверя, она осмотрела кухню, нашла рюкзак, несколько консервных банок, бутылку воды и почти чистое одеяло. Собрала всё быстро, на автомате. Подошла к пантере. Она затихла, но глаза оставались закрытыми. Кара приложила ладонь к её груди. Под пальцами — слабый толчок. Ещё один. Едва-едва. Как будто сердце спрашивало: «Стоит ли?»

— Тише, — прошептала она, бережно поднимая её и заворачивая в одеяло. Тело кошки было почти невесомым — одни кости, обтянутые кожей. И холодным. Таким холодным, что Кара вздрогнула. Она прижала её к груди, пытаясь согреть. Она не двигалась. — Тише, малышка. Скоро мы выберемся отсюда. Только не умирай. Пожалуйста.

Она прижала свёрток к груди, пытаясь согреть её своим теплом. Ледяное тело пантеры стало чуть теплее. Она была жива. Это главное.

И тут тишину разорвало рычание. Низкое, влажное, с булькающими нотками — оно шло из дальнего коридора. И топот. Грузного, массивного тела. Шаркающая, тяжёлая поступь. Медленная. Неумолимая.

Кара не стала ждать. Она не знала, что это за тварь, но инстинкт кричал одно: бежать. Прижав пантеру к груди, она рванула к противоположному выходу, растворяясь в темноте разрушенного комплекса.

Глава 2. Затопленный коридор.

Кара бежала. Каждый шаг тяжёлых тактических ботинок отдавался в позвоночнике глухим, ритмичным ударом. Пантера лежала у неё на руках, завёрнутая в одеяло, и её маленькое тело дрожало. Это дрожание передавалось через ткань, через мышцы, через кожу — словно вибрация натянутой струны.

— Тише, малышка, — шептала она, хотя сама едва различала свой голос в гуле крови в ушах. — Тише. Я здесь.

Коридор тянулся бесконечно. Серый бетон стен местами покрывала чёрная плесень, местами — ржавые подтёки, похожие на засохшую кровь. Под потолком шли толстые металлические трубы, обмотанные изоляцией, которая свисала грязными лохмотьями. Из трещин сочилась вода, оставляя на полу тёмные лужи. Воздух был тяжёлым и спёртым, пропитанным запахом гнили и той самой химии, которую Кара уже успела возненавидеть.

Гул резервного генератора остался позади. Он постепенно затих, растворился в темноте, словно его поглотили сами стены. Но тишина, пришедшая ему на смену, оказалась куда страшнее. В этой звенящей тишине Кара слышала всё: собственное сердцебиение, слабое, прерывистое дыхание пантеры и капли воды, падающие с разной высоты и превращающиеся в эхо в бесконечных поворотах лабиринта.

И ещё она слышала их.

Тяжёлые, шаркающие шаги где-то позади, в той темноте, из которой она только что вырвалась. Что-то огромное двигалось по её следу. И звук... Тяжёлое, металлическое, волочащееся по бетону с глухим, скрежещущим лязгом. Словно кто-то тащил за собой кусок рельса или железную балку. Ритмичный и неумолимый, как пульс мертвеца, который всё ещё идёт.

Кара не оглядывалась. Ей было очень страшно, и не только за себя.

Коридор петлял, уводя всё глубже под землю. Двери по бокам — некоторые распахнуты, некоторые сорваны с петель. В одной из комнат она краем глаза заметила опрокинутое кресло и брызги крови на стене, скользящие вниз длинными тёмными дорожками. Пантера тихо зашипела, и Кара прижала её ближе к груди, чувствуя, как её маленькое сердечко колотится у её рёбер.

— Я знаю, — прошептала она. — Я тоже боюсь. Но мы выберемся.

Она не знала, правда ли это, но слова помогали держаться. И ей, и пантере.

Внезапно коридор стал шире, а потолок поднялся выше. Стены здесь были чище, но покрыты глубокими царапинами. Кара на секунду замедлилась и провела пальцами по одной из борозд. Бетон был разодран в клочья, словно кто-то бил по стене гигантскими когтями. Она посмотрела на свои руки, на обычные человеческие пальцы, и мысль о том, что и она могла оставить такие следы, заставила её желудок сжаться.

Что я такое?

Но инстинкт самосохранения тут же заглушил этот вопрос. Сейчас нужно было бежать.

Кара сделала шаг вперёд — и замерла.

Коридор не заканчивался. Он обрывался.

Перед ней открывался провал — бывший переход на нижний уровень, теперь полностью затопленный. Кара подошла к краю и заглянула вниз. Вода стояла ровно, как стекло, и не отражала тусклый свет мигающей вдалеке аварийной лампы, а словно впитывала его, делая темноту ещё гуще.

Под поверхностью, в мутной глубине, виднелись очертания затопленного этажа. Ряды металлических стеллажей, опрокинутые каталки, обрывки кабелей, свисающие с потолка, как водоросли. Где-то вдалеке, в самой глубине, белел кусок стены с выцветшей надписью: «Зона содержания. Уровень -2». Когда-то здесь держали подопытных. Теперь здесь было царство воды и того, что в ней плавало.

Кара не видела дна. Не видела стен под водой. Только гладкую, тёмную поверхность, по которой изредка пробегала рябь.

Где-то впереди упала капля, и по воде разошлись круги — медленные, вязкие, как будто жидкость была гуще, чем должна была быть. Тёмное пятно под поверхностью дёрнулось, словно от удара, и снова застыло в ожидании.

Кара сделала шаг назад. Инстинкт, более древний и глубокий, чем разум, кричал ей: не входи туда, там смерть. Пантера на её руках слабо шевельнулась. Её шерсть встала дыбом, пробиваясь сквозь одеяло. Она тоже чувствовала.

Кара закрыла глаза на долю секунды, и её усиленные чувства включились сами собой. Мир изменился. Звуки стали чётче: она слышала, как вода движется под поверхностью. Не течёт, а перемещается. Что-то огромное плавает там, внизу. Медленно. Лениво. Запахи ударили в нос: гниль, кровь, знакомый химический препарат из капсул и что-то ещё — тёплое, хищное.

Она открыла глаза и увидела, как тёмное пятно медленно скользит под потолком затопленного коридора. Оно было больше человека. Намного больше. Оно застыло прямо посередине, перекрывая единственный путь вперёд, словно знало, что она здесь и ей нужно пройти.

Сзади послышался тяжёлый шаг, потом ещё один, и тот самый скрежет железа, цепляющегося за обломки. Кара обернулась. В конце коридора, откуда она только что прибежала, приближалась огромная тень, загораживающая свет. Существо дышало тяжело, с хрипом и бульканьем, и воздух выходил из него, как из кузнечных мехов.

Впереди — чёрная вода и невидимый хищник. Сзади — чудовище с железом. Пути отступления не было.

Пантера тихо заскулила у неё на руках, и в этом звуке было столько отчаяния, что у Кары сжалось сердце.

— Тише, малышка, — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим, дрожащим. — Я что-нибудь придумаю.

Но в голове была пустота. Ни плана, ни идеи — только ледяное онемение в груди и понимание, что варианты закончились. Шаги сзади стали громче. Существо не спешило. Оно знало, что добыче некуда деться. Кара почувствовала запах гнили и кислой крови, который доносился от приближающейся тени.

Она посмотрела вперёд. Вода. Тёмное пятно под ней всё ещё ждало.

И тогда Кара подняла голову.

Трубы. Толстые, металлические, идущие вдоль потолка параллельно коридору. Они тянулись от края затопленной зоны до противоположной стены, где виднелась тяжёлая металлическая дверь с круглым штурвалом.

Я смогу.

Кара быстро размотала одеяло, в котором лежала кошка, и сделала из него перевязь — перекинула через плечо. Пантера тихо фыркнула, но не сопротивлялась, лишь вцепилась крошечными когтями в ткань.

Кара шагнула к краю затопленной зоны. Вода была в двух метрах ниже уровня пола. Целый этаж глубины. Там, внизу, плавало оно.

Она прыгнула.

Руки схватились за холодную, скользкую от конденсата трубу. Пальцы сжались, мышцы напряглись. Тело повисло в воздухе. Пантера прижалась к её груди, её когти впились в куртку, но боль была где-то далеко, за пеленой адреналина.

Кара начала двигаться. Рука за рукой. Труба была холодной и скользкой, пальцы соскальзывали, предплечья горели. Внизу, под ней, чёрная вода казалась живой — она медленно колыхалась, и тёмное пятно под поверхностью двигалось следом, как тень, привязанная к её телу.

Не смотри вниз. Не смотри вниз.

Но она посмотрела.

Там, в глубине, что-то огромное поднялось к поверхности. Она увидела блеск чешуи, длинное, изогнутое тело, пасть, полную иглообразных зубов. Существо было похоже на крокодила, но мутировавшего — с четырьмя глазами, расположенными по кругу на плоской изуродованной голове, и плавниками, торчащими из спины, как лезвия.

Оно смотрело на неё.

Кара застыла, не смея пошевелиться. Кошка в её руках тоже замерла, и даже шаги чудовища сзади на секунду стихли, словно весь мир затаил дыхание.

Только капля упала с потолка, нарушив тишину.

Кара начала двигаться. Рука за рукой. Но не успела она сделать и полуметра, как над её головой раздался скрежет.

Труба. Она была не просто ржавой — она была гнилой.

Под весом Кары металл жалобно простонал и провис, отрываясь от потолочных креплений. Тело Кары содрогнулось от резкого рывка вниз. Пальцы скользнули по мокрой ржавчине.

Она падала.

Мир перевернулся. Страх подступил к самому сердцу, холодный, вязкий, липкий. Кара закричала, но звук утонул в воздухе, не успев вырваться из горла. Она падала, руки судорожно хватали пустоту, и в этот момент её правая рука схватила другую трубу. Ржавую, но крепкую.

Пальцы сжались до хруста суставов. Предплечье вывихнулось с глухим, тошнотворным щелчком, но она удержалась.

Кара повисла на одной руке, тяжело дыша, её ноги болтались в каких-то сантиметрах от чёрной воды. Тёмное пятно под поверхностью рвануло вверх — пасть раскрылась, иглообразные зубы клацнули в воздухе, промахнувшись на волосок.

— Нет! — выдохнула она, втягивая воздух обожжёнными лёгкими.

Она подтянулась и второй рукой ухватилась за трубу, мышцы рук горели, как от ожога. Кошка вцепилась в неё ещё сильнее, но Кара не чувствовала боли. Только адреналин. Только желание выжить.

Она продолжала двигаться. Внизу монстр плавал следом, его четыре глаза следили за каждым её движением.

Наконец, впереди показалась стена. И дверь. Тяжёлая, металлическая, с круглым штурвалом.

Кара подтянулась к краю, закинула ногу через перила бывшей лестницы, упала на узкий, незатопленный выступ шириной не больше полуметра. Вода была совсем рядом — она плескалась у самых её ботинок, недалеко скользило тёмное тело хищника.

Кара вцепилась в холодный металл ручки двери и потянула. Металл не поддался. Заперто.

Круги разошлись прямо перед ней. Тёмное пятно скользнуло вбок — быстро, слишком быстро — и вода около Кары всколыхнулась. Что-то длинное, гладкое и холодное мазнуло её по бедру. Горло сжалось, не давая закричать. Кара прыгнула в сторону, прижимаясь к стене.

Сзади раздался тяжёлый всплеск.

Чудовище, шедшее следом, вошло в воду.

Огромная тень рухнула в затопленный коридор, подняв волну, которая ударила Кару в спину. Вода забурлила, запенилась. И в тот же миг тёмное пятно под водой рвануло к новому пришельцу.

Внизу началась битва.

Водный хищник рванул вверх, его пасть раскрылась, иглообразные зубы вонзились в бок наземного чудовища. Тот взревел — низкий, влажный звук, полный боли и ярости. Он замахнулся куском железа, который тащил за собой — это была ржавая балка, длиной метра три, с зазубренными краями. Балка ударила по воде, поднимая фонтан брызг, и попала по голове водного монстра.

Тот взвыл, отпустил жертву и нырнул глубже. Но наземное чудовище не отступило. Оно рвануло вперёд, тяжёлое и неотвратимое, как лавина. Вода расступалась под ним, балка звенела и била искры о стены, когда монстр размахивал ею, пытаясь достать противника.

Водный хищник вынырнул сбоку, его хвост — мощный, мускулистый, покрытый чешуёй — ударил по воде, создавая волну, которая захлестнула Кару по пояс. Она пошатнулась, но удержалась, вцепившись в дверь.

Два монстра кружили друг вокруг друга в чёрной воде, их тела сплетались, разрывались, снова сплетались. Кровь окрашивала воду в ещё более чёрный цвет. Балка взмывала в воздух и опускалась с глухим ударом. Пасть с иглообразными зубами клацала, промахиваясь на миллиметры.

Кара отвернулась. Она не могла смотреть. Она вцепилась в ручку и рванула.

Металл застонал, но механизм заклинило.

Сзади, в двух метрах от неё, продолжался бой мутантов. Вода кипела, брызги летели во все стороны. Одно из чудовищ взревело — звук был таким громким, что у Кары заложило уши.

Она вложила в рывок всё. Сверхсилу, которая жила в её костях и сухожилиях, ту самую силу, которую она ещё не до конца понимала, но которая была частью её новой сущности. Металл застонал громче. Что-то хрустнуло внутри механизма.

Дверь поддалась.

Кара рванула её на себя, шагнула в проём, обернулась и с силой захлопнула створку. Замок щёлкнул, и тут же в дверь снаружи ударил чудовищный таран. Металл дрогнул, но выдержал. Ещё удар. Ещё. Балка била по стали, а существо за дверью ревело, требуя свою добычу. Под водой, у самого порога, что-то медленно скребло по бетону, подбираясь ближе.

Кара отступила вглубь сухого коридора и прижала пантеру к груди. Она дрожала. Кошка дрожала тоже.

— Всё, — выдохнула она, чувствуя, как колени подкашиваются. — Всё, малышка. Мы прошли.

Она не знала, сколько ещё таких дверей впереди и что ждёт за следующей. Но она стояла. Она дышала. Она была жива. Пока.

Кара прижалась спиной к холодной стене и медленно сползла на пол. Дверь за её спиной продолжала содрогаться от тяжёлых, ритмичных ударов, но металл держался. Она посмотрела

на пантеру. Её яркие, живые глаза, светящиеся в полумраке, смотрели на неё с безмолвной преданностью. Она ждала.

Кара скользнула по стене, усаживаясь на бетон, и зарылась лицом в её шерсть. Пахло химией, кровью и сыростью, но под этим — тёплый, живой запах зверя. Она закрыла глаза, слушая, как бьётся её маленькое сердце и своё собственное — быстрое, громкое, живое.

Через какое-то время — минуту или час, она не знала — удары за дверью стихли. Тишина вернулась, но теперь в ней слышалось лишь размеренное капание воды где-то вдалеке. Этот звук больше не пугал.

Кара открыла глаза и осмотрелась. Коридор здесь был сухим, узким, с низким потолком, опутанным трубами. Стены покрывал конденсат, но пол был чистым. Она посмотрела на свои руки. Они дрожали от перенапряжения. Мышцы горели, словно их облили кислотой, но это была хорошая боль. Боль выжившего.

Я использовала силу. По-настоящему. Впервые.

Пантера тихо мяукнула, ткнувшись мокрым носом ей в ладонь. Кара провела рукой по её шерсти, чувствуя, как тепло её тела медленно отгоняет холод из её собственных костей.

— Мы выберемся, — сказала она, и на этот раз в её голосе не было дрожи.

Она встала, бережно подняла пантеру и пошла дальше. В темноту. К свету. К свободе.

Глава 3. Выход.

Тишина в сухом коридоре была обманчивой.

Кара сидела, прижавшись спиной к холодной бетонной стене, и слушала, как постепенно стихает её собственное дыхание. Мышцы рук и плеч ныли тупой, пульсирующей болью — расплата за ту нечеловеческую силу, которую она вложила в рывок. Она медленно разжимала и сжимала пальцы, наблюдая, как под кожей перекатываются напряжённые волокна.

Это тело было инструментом. Созданным для насилия. Но сейчас оно было единственным, что отделяло её от смерти.

Пантера лежала у неё на коленях. Её дыхание выровнялось, став глубоким и спокойным. Яркие, живые глаза, отражающие тусклый свет аварийной лампы, смотрели на Кару с тихим, почти человеческим пониманием. Кара провела ладонью по её мокрому, слипшемуся меху, чувствуя, как тепло её маленького тела медленно проникает сквозь ткань куртки, отгоняя ледяной озноб.

— Нам нужно двигаться, — прошептала она. — Здесь мы не останемся.

Она осторожно поднялась, стараясь не потревожить пантеру, и осмотрелась. Коридор был узким и низким, потолок пересекали толстые трубы, покрытые конденсатом. Воздух здесь был другим — менее спёртым, с едва уловимой свежестью, пробивавшейся сквозь запах сырости и ржавчины.

На стене висела пластиковая панель с выцветшей схемой. Кара подошла ближе. План эвакуации. Красная точка с надписью «ВЫ» находилась в самом низу. От неё тянулась зелёная стрелка, ведущая вверх. К единственной двери в конце коридора.

Надпись гласила: «Поверхность».

Кара шагнула вперёд. Тяжёлые ботинки тихо стукнули по бетону. Каждый шаг давался с трудом, но ноги сами несли её вперёд, повинуясь древнему инстинкту.

Выбраться наверх. Любой ценой.

Лестница оказалась металлической, крутой и скользкой от вязкой, маслянистой слизи. Кара не смотрела под ноги. Она поднималась, считая пролёты, и с каждым этажом воздух становился холоднее и чище. Тяжёлый запах химии и гнили отступал, уступая место чему-то резкому, солёному, дикому.

На полпути Кара вынуждена была остановиться. Она прислонилась к холодной стене, закрыв глаза. Грудную клетку распирало от бешеного ритма сердца. В висках стучала кровь, заглушая всё вокруг.

Кошка тихо фыркнула, ткнувшись мокрым носом в её запястье. Это простое прикосновение вернуло её к реальности. Кара открыла глаза. Глубоко вдохнула. И продолжила подъём.

Наконец перед ней возникла дверь. Две массивные бронированные створки, встроенные в толщу бетона. Они выглядели, как врата крепости — тяжёлые, ржавые, с мощными петлями и поперечными балками усиления. Над ними, в круглой нише, виднелся металлический диск с выгравированным логотипом: буква V, разделённая на три части. Логотип корпорации, которая создала этот ад.

Кара прижалась к холодному металлу ухом.

За толстой бронёй не было слышно ни шагов, ни рычания, ни скрежета. Там был только гул. Низкий, непрерывный, живой. Она чувствовала его даже через подошвы ботинок.

Ветер.

И где-то вдалеке — ритмичный, тяжёлый плеск волн.

Она вцепилась в холодную ручку-рычаг двери обеими руками и навалилась всем весом. Сначала металл не поддавался, закисший от времени и солёного воздуха. Но Кара снова призвала ту силу, что дремала внутри неё.

Металл скрипнул. Ржавые болты простонали. Дверь дрогнула.

С тяжёлым, протяжным стоном створка подалась наружу. За ней — вторая. Кара распахнула обе, и ночной воздух хлынул внутрь, холодный и солёный.

Она шагнула вперёд.

Её нога ступила не на бетон.

На что-то мягкое. Влажное.

Траву.

Кара открыла глаза.

И мир обрушился на неё лавиной ощущений.

Она стояла на пологом склоне холма. Над головой раскинулось небо — огромное, бездонное, усыпанное мириадами звёзд, мерцающих холодным, чистым светом. Луна, почти полная, висела низко над горизонтом, окрашивая всё вокруг в серебристо-синие тона.

Она никогда не видела ничего подобного.

В её памяти не было неба. Не было звёзд. Не было этого бесконечного пространства, от которого сердце сжималось от благоговейного ужаса и восторга.

В лицо ударил ветер. Холодный, пронизывающий, но живой. Он нёс с собой запах соли, мокрой земли, хвои и чего-то сладкого, цветущего.

Где-то внизу, за пределами холма, шумело море. Волны с глухим рокотом разбивались о невидимые в темноте скалы. Этот звук был самым прекрасным, что она слышала за всю свою короткую, стёртую память.

Это был звук свободы.

Кара упала на колени, зарываясь пальцами в мокрую, холодную траву. Она дышала. Просто дышала, втягивая в лёгкие этот дикий, нефильтрованный воздух, чувствуя, как он выжигает из неё остатки лабораторной химии.

Следом за ней, неуклюже переступая порог, вышла пантера.

Она остановилась на краю бетонной площадки, скрывающей вход в подземелье, и медленно огляделась. Её яркие глаза расширились, отражая звёздный свет. Она сделала неуверенный шаг, затем другой. Её лапы коснулись травы.

Кошка опустилась на передние лапы, вытянулась и тихо, протяжно заурчала. В этом звуке не было боли. Только изумление.

Кара подползла к ней и обняла за шею, уткнувшись лицом в её гладкий, всё ещё пахнущий сыростью бок. Чёрная шерсть пантеры была мягкой, как шёлк, несмотря на грязь и кровь.

— Мы здесь, — прошептала она, и слёзы наконец навернулись на её глаза, горячие и солёные. — Мы выбрались.

Они сидели так несколько минут, пока дрожь в теле не утихла. Кара отстранилась и посмотрела на пантеру. В лунном свете чёрная шерсть казалась почти синей, а глаза горели, как два живых огонька.

Она была жива. Она была здесь. И она смотрела на Кару с той же безмолвной преданностью.

— Как твоё имя? — спросила она тихо, проводя рукой по её морде.

Пантера склонила голову набок, её длинные усы дрогнули на ветру. Она, конечно, не могла ответить. Но Кара вдруг чётко осознала, что не может называть её просто «малышка» или «зверь».

Она была её спутницей. Её единственной связью с этим миром.

— Нира, — сказала она вдруг.

Имя всплыло из глубины подсознания, твёрдое и надёжное.

— Ты будешь Нира.

Кошка тихо фыркнула и ткнулась холодным носом ей в ладонь, словно принимая этот дар.

Кара поднялась на ноги, оглядываясь по сторонам.

Позади них возвышался вход в бункер. Массивная бетонная конструкция, встроенная в склон холма, словно древний храм. Две бронированные двери, теперь распахнутые настежь, зияли чёрной пастью. По бокам от них тянулись бетонные стены, образующие короткий коридор-подход. Справа — ступени, ведущие вниз, к самой двери. Холм вокруг порос густой травой и кустарником, который в лунном свете казался серебристым.

А над дверями, в круглой нише, тускло поблёскивал металлический диск с логотипом «Vis Renascendi». Даже здесь, на поверхности, корпорация оставляла свою метку.

Подземелье отпустило их.

Кара отвернулась от бункера и посмотрела вперёд.

Впереди, в долине, раскинулся густой, тёмный лес. Его верхушки чернели на фоне звёздного неба, как стена.

Но что-то привлекло её внимание.

Там, за лесом, на самом горизонте, высоко над деревьями, пульсировал свет. Красный. Ровный, немигающий. Он вспыхивал и гас с холодной, механической регулярностью, напоминая глаз хищника, наблюдающего из темноты.

Маяк. Или башня. Что-то огромное, возвышающееся над всем островом.

Кара инстинктивно почувствовала присутствие чего-то враждебного. Того, что создало её. Того, что создало её спутницу.

Она не знала, что это за место. Не знала, кто живёт в том лесу. Не знала, кто она сама и почему её тело помнит то, чего не помнит разум.

Но она знала одно: она никогда, ни при каких обстоятельствах не вернётся в ту тьму, что осталась позади неё.

— Идём, — сказала Кара, и её голос прозвучал твёрдо, без тени той дрожи, что терзала её в подземелье.

Она поправила лямку рюкзака, проверила, что меч надёжно закреплён за спиной, и сделала первый шаг вниз, в сторону леса. Нира пошла рядом. Её мягкие лапы не издавали ни звука, а яркие глаза внимательно сканировали темноту.

Они шли к миру, который их забыл.

А за их спинами, глубоко под землёй, в недрах закрывающегося бункера, что-то тяжёлое и мокрое медленно скребло по металлу захлопнувшейся двери.

Что-то искало выход.

Что-то помнило их запах.

Но Кара уже не оглядывалась.

Глава 4. Звонок.

Тела, побывавшие на войне, не просыпаются. Они возвращаются в строй.

Джон открыл глаза за секунду до того, как в тишине комнаты задрожала тумбочка. Сердце ударило в рёбра, разгоняя кровь по венам ледяным адреналиновым уколом. Рука метнулась под подушку, пальцы легли на рифлёную рукоять «Глока-19».

Только когда он почувствовал холод стали, мозг соизволил зарегистрировать реальность: спальня, предрассветный сумрак, вибрирующий экран телефона.

На экране пульсировало имя: Билли.

Джон убрал пистолет. Провёл ладонью по лицу, сдирая остатки кошмаров, и смахнул звонок.

— Говори.

— Шесть утра, Джон.

— Я знаю, сколько времени, Билли.

— Ты всё равно не спишь. — Голос друга был чужим. Плоским, как бумага, которую долго жевали. — Старый мост. Парк. Через сорок минут.

— Что случилось?

Пауза. В трубке слышался только шум ветра и чьё-то прерывистое дыхание.

— Просто приходи. И, Джон… не иди на свет. Держись теней.

Линия замерла.

Джон сел на край кровати. Шрам после операции на затылке предательски зачесался — барометр, который никогда не врал. К дождю. Или к беде.

Он одевался в темноте, и мысли метались. Билли Свон.

Они познакомились три года назад в баре «Три чайки». Джон тогда только вернулся из пустыни, пил слишком много, слишком часто, и в тот вечер нарывался на неприятности. Сказал что-то не то не тем людям. Четверо громил встали из-за стола.

Билли просто сидел за стойкой двумя стульями левее. Пил виски, читал книгу, не отсвечивал. Но когда один из громил замахнулся на Джона, он случайно задел Билли локтем. Тот выронил стакан.

Дальше всё произошло быстро. Громилы решили, что Билли — друг Джона. И надавали ему по морде заодно.

Когда всё закончилось, они оба лежали на липком полу бара — Джон в собственной крови, Билли в своей. Билли медленно повернул голову, сплюнул зуб и сказал:

— Знаешь, я даже не знаю, как тебя зовут.

— Джон, — ответил он, вытирая кровь с глаз.

— Билли. — Он поморщился, пытаясь сесть. — Слушай, Джон. Давай выпьем. Мне кажется, мы только что стали братьями по несчастью.

Джон рассмеялся. Впервые за полгода.

Они доползли до стойки, бармен молча налил им по стакану виски. Они выпили. Потом ещё. Потом Билли рассказал, что у него есть связи в нижних эшелонах корпорации «Vis» и если Джону нужна работа — он может помочь.

С тех пор они были друзьями. Редкими, но настоящими.

И если Билли звонил в шесть утра и говорил таким голосом — случилось что-то страшное.

Парк у старого моста был укутан туманом.

Джон шёл по брусчатой дорожке, и каменная арка старого моста нависала над ним, как пасть чудовища. Фонари вдоль набережной горели тускло, их свет рассеивался в молочной пелене, превращая мир в чёрно-белую фотографию. Где-то вдалеке плескалась вода.

Он выбрал скамейку в слепой зоне от камер наблюдения, которые, он был уверен, здесь висели. Спина — к стволу старого вяза. Обзор — на единственную тропинку, уходящую в туман.

Билли появился из тумана не как человек, а как призрак.

Он шёл медленно, сгорбившись, руки глубоко в карманах длинного пальто. Джон сразу заметил детали: небритая щека в кровавых подтёках от пореза, воротник куртки поднят, а под глазами — чёрные, налитые свинцом провалы. Билли, который всегда гладил рубашки и следил за тем, чтобы узел галстука был ровным, теперь выглядел совсем наоборот.

— Привет. — Билли рухнул на скамейку. Слишком близко. От него пахло кислым потом и дешёвым виски.

— Ты выглядишь как дерьмо, — констатировал Джон.

— Спасибо. Ты тоже.

Они замолчали. Где-то вдалеке, на эстакаде, тяжело вздохнула фура. Туман сгущался, превращая деревья в чёрные силуэты, а фонари — в размытые пятна света.

— Матушка скончалась, — вдруг сказал Билли. — В среду. Сердце.

Джон кивнул. Он не знал, что сказать, и слова здесь были бы фальшью.

— Соболезную.

— Ага. — Билли нервно сглотнул. — Знаешь, что самое смешное? Я даже не плакал. Потому что всё это время, пока она умирала в больнице, я думал только об Эмми.

Джон медленно повернул голову. Имя сестры Билли повисло в сыром воздухе.

— Что с ней?

— Три недели назад она пропала. — Билли наконец посмотрел на него, и Джон отшатнулся внутренне от того ужаса, что плескался в этих глазах. — Она тоже работала на «Vis». В закрытом секторе. Я думал, она просто сортирует бумажки, помогает с логистикой. А месяц назад мне на старую электронную почту, которой я не пользовался лет сто, пришёл файл. Отправитель неизвестен. Я только недавно его в спаме обнаружил.

Билли сунул руку в карман. Движение было резким, но Джон не дёрнулся — он читал язык тела друга. Это не было угрозой.

— Внутри были карта, координаты острова и видео, — Билли достал из кармана маленький, потрёпанный флеш-накопитель. — На нём сама Эмми. Она сидит в какой-то комнате, говорит тихо, постоянно оглядывается. Сказала, что в лаборатории творится что-то ужасное, но у неё пока нет доказательств. Что она хочет уйти из корпорации. Джон, она боялась. Очень боялась.

Билли вложил флешку в руку Джона. Металл был холодным.

— Кто-то с острова переслал мне это, — тихо добавил Билли. — Может, её коллега, который знал про меня. Но сам я поехать не могу. За мной хвост. Двое сменяются у подъезда, один в метро. Если я сдвинусь с места — меня укокошат, а Эмми…

— В конце файла — координаты, — Билли резко встал, отпуская его руку. — Иллс-Пойнт. Причал. Катер «Старджаст». Ключи в тайнике под третьим люком. Там же снаряжение. Остров называется «Винтагро». Его нет в реестрах. Но он есть. Я не могу пойти в копы, они в кармане у «Vis». Ты — мой последний шанс. Карта там же, пароль — дата смерти Мэри. Прости, что втягиваю. Но больше некому.

— Билли, стой. Кто за тобой следит?

— Если я скажу, ты меня убьёшь сам, чтобы я не мучался, — криво усмехнулся Билли. — Найди её, Джон. Скажи, что я пытался.

Он развернулся и пошёл. Не оглядываясь. Туман сомкнулся за его спиной, словно парк решил поглотить его целиком.

Джон смотрел, как фигура друга растворяется в серой пелене, и сжимал флешку так, что металл впивался в ладонь.

Квартира Джона больше напоминала не жилище, а склад для оружия или камеру ожидания. Здесь не было ни одной вещи, которая говорила бы: «Я здесь живу».

На стенах — ни картин, ни полок. На кухне — одна чашка, одна тарелка, один нож. Даже холодильник гудел пусто, храня лишь бутылку воды и пачку дешёвого молока. Он не готовил. Он не звал гостей. Он просто существовал в этом пространстве, как человек, который давно разучился ждать чего-то, кроме следующего дня.

В ванной стояла только одна зубная щётка. В шкафу висела форма и несколько одинаковых чёрных футболок. Никаких сувениров, никаких книг, никаких следов чужого присутствия. Время здесь словно остановилось два года назад.

Единственным, что нарушало эту стерильную пустоту, была чёрная тактическая сумка у входной двери. Она всегда была собрана. Всегда. Потому что Джону нечего было терять. Некого было ждать. И некуда возвращаться.

Только пыль медленно оседала на гранитной столешнице, да тиканье настенных часов отмеряло секунды его бессмысленного существования.

Он закрыл дверь на три замка, опустил жалюзи и вставил флешку в ноутбук.

Экран вспыхнул. Запрос пароля.

Джон замер. Пальцы зависли над клавиатурой.

Мэри.

Он закрыл глаза.

Она сидела на кухне, поджав ноги под себя, и читала какую-то книгу — он так и не узнал какую, потому что она всегда прятала обложку, когда он входил. На ней была его рубашка — белая, с закатанными рукавами, и она пахла её шампунем — чем-то цветочным, лёгким, не похожим ни на что в этом мире.

— Ты опять не спишь, — сказала она тогда, не поднимая глаз.

— Не могу, — ответил он. — Кошмары.

— Иди сюда.

Она отложила книгу, и он лёг головой ей на колени. Её пальцы скользнули по его волосам — медленно, уверенно, как будто она знала каждую трещину в его черепе, каждую рану, которую не видно снаружи. И она не спрашивала. Не говорила "всё будет хорошо", не пыталась починить то, что было сломано. Она просто была рядом. И этого было достаточно.

— Ты вернёшься, — сказала она тогда, наклонившись к нему. Её волосы щекотали его лицо. — Ты всегда возвращаешься.

— А если нет?

— Тогда я буду ждать.

Она улыбнулась. И он запомнил эту улыбку — до последней складки у глаз, до последнего блеска в зрачках.

Джон открыл глаза. Комната была пустой. Холодной.

Он набрал: 15.03.2024.

Дата, когда Мэри сгорела. Вместе с шестью другими химиками в главном офисе «Vis». Официально — неисправная проводка. Неофициально — Джон знал, что проводка не пахнет плавленым пластиком и медью так, как пахло в тот день, когда он опознавал её обугленные останки.

Нажал «воспроизвести».

На экране появилась девушка. Светлые волосы собраны в пучок, белый лабораторный халат поверх тёмной рубашки. Она сидела в какой-то комнате — полки с бутылками и колбами на заднем плане. Её глаза были красными, словно она плакала.

«Если ты это смотришь, значит, я не смогла связаться с тобой напрямую. Билли, прости. Я знаю, что втягиваю тебя, но у меня нет выбора.»

Она оглянулась, словно боясь, что кто-то войдёт.

«В лаборатории происходит что-то ужасное. Я не знаю всех деталей — они держат меня в неведении, но я видела... я видела людей. В капсулах. И животных. Они что-то делают с ними, экспериментируют. Я нашла документы, но их забрали. У меня нет доказательств, только подозрения. Но я не могу здесь оставаться. Я хочу уйти.»

Её голос дрогнул.

«Если со мной что-то случится... найди меня. Пожалуйста.»

Экран погас.

Джон сидел в темноте, сжимая флешку так, что хрустели костяшки пальцев.

Тогда он вернулся из пустыни с осколком в черепе и дырой в груди вместо сердца. Он устроился в службу безопасности «Vis» не ради зарплаты. Он хотел найти того, кто отдал приказ. Но «Vis» была как спрут: щупальца везде, а головы не видно. Он бился об их стены два года, пока не понял, что стены эти выстроены из трупов.

И теперь Эмми. Та же корпорация. Тот же почерк.

Он встал. Подошёл к шкафу и достал чёрную сумку из кордуры. Внутри пахло оружейным маслом и старой кожей. Нож, фонарь, аптечка, связные. И в боковом кармане — фотография. Мэри смеётся, прищурившись от солнца.

Он убрал фото во внутренний карман. Прямо над сердцем.

Экран вспыхнул. Карта загрузилась. Остров «Винтагро». Гористый клочок земли в ста милях от цивилизации, окружённый рифами. Красным маркером были обведены четыре точки: Лаборатория. Карантинная зона. Маяк. И — «Она здесь».

Джон распечатал карту, сложил, убрал в рюкзак.

В шесть утра город ещё не проснулся, тонув в серой мороси.

Бар «Три чайки» в доках пах тухлой рыбой и разлитым элем. Джон толкнул дверь, и колокольчик над ней звякнул — единственный звук в пустом зале. Бармен, похожий на тумбу с бычьей шеей, даже не поднял глаз, когда Джон положил на стойку серебряный доллар 1921 года. Именно такую монету Билли упоминал в зашифрованном сообщении год назад, как знак «свой-чужой».

Бармен молча сгреб монету и выложил на стойку тяжёлый латунный ключ.

— Третий люк, — буркнул он, наконец подняв глаза. — И Джон... будь осторожен. Остров не любит гостей.

Джон кивнул и вышел.

Катер «Старджаст» качался на мутных водах гавани. В рундуке Джон нашёл то, что ожидал: сухие пайки, патроны, аптечку и тубус.

Внутри тубуса — бумажная карта. Дубликат. На случай, если электроника откажет.

Джон завёл мотор. Старый дизель кашлянул дымом и взревел, разрезая пенную воду.

Город остался позади, растворяясь в дожде. Впереди был только свинец неба и чёрная полоса океана.

Джон сжал штурвал, чувствуя, как холодный солёный ветер бьёт в лицо, проникая под одежду. Шрам на затылке горел.

— Я иду, — прошептал он в шум мотора и свист ветра. — Я иду, Мэри.

Катер нырнул в высокую волну, исчезая в пелене дождя.

Глава 5. Чужая земля.

Лес внизу холма был не просто густым — он был враждебным.

Кара шла первой, пробираясь по узкой тропинке, которая вилась между гигантскими деревьями. Их стволы, покрытые толстым слоем мха, изгибались под неестественными углами, словно скрученные болью. Корни выползали из-под земли, переплетаясь между собой, как спящие змеи, готовые ухватить за лодыжку любого, кто оступится.

Воздух здесь был другим. Густым. Влажным. Туман стелился по земле, цепляясь за корни и камни, превращая каждый шаг в движение сквозь молочную пелену. Он не рассеивался — он дышал. Медленно поднимался и опускался, словно лес сам вдыхал и выдыхал, наблюдая за незваными гостями.

Свет пробивался сквозь кроны редкими, холодными лучами, но не давал тепла. Он лишь выхватывал из полумрака искажённые силуэты деревьев, превращая их в фигуры застывших великанов.

Нира шла следом. Она уже не просилась на руки, но её походка выдавала слабость: задние лапы слегка подволакивались, а дыхание сбивалось на короткий, свистящий хрип.

— Ещё немного, малышка, — бросила Кара через плечо, не останавливаясь. — Я чувствую запах моря. Мы почти у воды.

Она действительно чувствовала его. Её обоняние, обострённое до болезненности, выхватывало из влажного лесного воздуха солоноватые нотки йода и гнилых водорослей. Но вместе с ними шёл и другой запах. Сладковатый. Мясной. Тот самый, от которого в лаборатории сводило желудок.

Кара перешагнула через гнилой ствол упавшей сосны и зацепилась ногой за что-то твёрдое. Она рухнула вперёд, инстинктивно выставив руки.

Ладонь правой руки угодила прямо в груду острых, обломанных костей. Они валялись в прелой листве, перемешанные с землёй. Судя по размеру рёбер и толщине позвонков, это было крупное животное. Но кости были не просто обглоданы — они были раздроблены и покрыты глубокими следами от зубов, словно кто-то пережёвывал их вместе с мясом.

Острый, как бритва, осколок крупной кости вспорол ей ладонь.

— Чёрт! — выдохнула Кара, отдёргивая руку.

Три глубоких пореза пересекали ладонь от основания большого пальца до запястья. Кровь хлынула мгновенно, тёмная и густая, стекая по пальцам и капая на мох. Боль была резкой, пульсирующей, но странной — словно она доносилась издалека, через толстое стекло.

Кара сжала кулак, ругая себя за неосторожность. В этом мире любая царапина могла стать смертным приговором. Инфекция, заражение... Она уже видела, во что превращаются тела в капсулах.

Она разжала пальцы, чтобы осмотреть рану, и замерла.

Кровь перестала течь.

Кара моргнула, протирая глаза левой рукой. Она наклонилась ближе, её сердце начало биться чаще. Края порезов не просто соединились. Они двигались. Микроскопические нити, похожие на розовые паутинки, тянулись от одной стороны раны к другой, сплетаясь в новую плоть. Кожа вокруг покраснела, стала горячей. Зуд был невыносимым, словно под кожей копошились тысячи муравьёв.

Прошло не больше десяти секунд.

Кара медленно разогнула пальцы. На ладони не осталось ни шрама, ни царапины. Только тонкая, розовая полоска новой кожи, которая на глазах бледнела, сливаясь с остальным цветом. Даже грязь и запёкшаяся кровь отпали, словно тело само отторгло чужеродное.

Она подняла руку к лицу, разглядывая её в луче лунного света, пробивающегося сквозь кроны деревьев.

Регенерация.

Слово всплыло из того, что она успела увидеть на экране планшета, прежде чем тот погас. «Образец 07. Стабилен. Мутация отсутствует». Они солгали. Мутация была. Просто она была не снаружи, а внутри. В каждой клетке её тела.

Нира подошла и ткнулась холодным носом в её ладонь, тихо фыркая. Она не поняла, что произошло, но почувствовала её страх.

— Со мной всё в порядке, — прошептала Кара, хотя голос её дрожал. Она посмотрела на пантеру. — Я не человек, Нира. Я... я монстр.

Пантера лишь моргнула своими яркими глазами и лизнула её в запястье. В этом жесте было больше понимания, чем во всех словах, которые она могла бы сказать.

Кара глубоко вдохнула, заставляя себя успокоиться. И тут её слух, который она ещё не до конца научилась контролировать, уловил новый звук.

Это не был ветер. Не было шума волн. Это был... шёпот.

Низкий, многоголосый, тягучий. Он не доносился с одного направления — он был везде. Словно сами деревья шептались на языке, которого Кара не понимала, но который её тело распознавало как угрозу.

Нира замерла. Её зрачки сузились в вертикальные щели. Шерсть на загривке встала дыбом, и из горла вырвался низкий, вибрирующий звук — не агрессивный, а предупреждающий.

Кара медленно подняла голову.

Левее, там, где лес немного редел, между стволами сосен клубился густой туман. И в этом тумане... двигались тени.

Четыре силуэта. Высокие, неестественно вытянутые. Они шли медленно, почти плыли сквозь туман, не нарушая его. Их движения были плавными, синхронными, как у стаи хищников, которые знают, что добыча никуда не денется.

Кара не видела их лиц. Только тёмные, бесформенные очертания, которые казались то человеческими, то... нет. Слишком длинные руки. Слишком широкие плечи. Головы, наклонённые под неестественным углом.

— Идём, — прошептала Кара, и её голос дрогнул. — Идём, Нира. Быстро.

Она ускорила шаг, почти побежала к побережью. Но тени не отставали. Они двигались с той же медленной, неумолимой скоростью, словно время для них текло иначе.

Внутри у Кары всё сжалось в тугой узел. Она никак не могла привыкнуть к этому ощущению — липкому, морозящему изнутри, от которого кровь застывала в жилах. Её тело было оружием, созданным для боя, но разум... разум всё ещё был человеческим. И этот разум кричал: беги.

Лес стал совсем безмолвным. Даже море, которое ещё секунду назад шумело где-то внизу, казалось, затихло. Только этот шелест. Шелест шагов, которых не было слышно, но которые ощущались кожей.

Тени стали ближе.

Кара уже могла различить детали. Их кожа была серой, почти прозрачной. Одежда — рваные лохмотья, которые когда-то были формой или гражданской одеждой. И глаза... глаза светились тусклым, болезненным светом, как угли в пепле.

И тут Кара услышала новый звук.

Это не был ветер. Не было шума волн. Это был низкочастотный, ритмичный гул. Тхум-тхум-тхум. Дизельный двигатель. Работал на низких оборотах, с характерным подрывом. Звук доносился с юга, со стороны бухты.

Кто-то плыл к острову.

Кара на секунду обернулась, инстинктивно ища источник звука.

Тени исчезли.

Лес был пуст. Только туман клубился между деревьями, и ветер шелестел в кронах сосен. Ни рыка, ни шёпота, ни серых силуэтов.

Нира тихо фыркнула, её шерсть медленно опускалась. Она тоже не видела их больше.

Кара застыла, тяжело дыша. Её руки дрожали. Не от холода. От осознания.

Они были здесь. Они шли за мной. И они... растворились.

Она не знала, что это было. Галлюцинация? Мутанты, которые умеют прятаться в тумане? Или что-то ещё, что она пока не могла понять.

Но одно она знала точно: этот остров не просто мёртв. Он наблюдает.

— Идём, — скомандовала она, и в её голосе вернулась сталь. — Нам нельзя здесь оставаться.

Вода в бухте была ледяной.

Джон Диггери по колено стоял в прибое, удерживая нос катера «Старджаст», чтобы тот не ударился о скрытые под водой камни. Дизель заглох, и тишина ночи обрушилась на него со всей своей тяжестью.

Он не выключал фары до последней секунды, а теперь, в кромешной тьме, его глаза, привыкшие к темноте, медленно выхватывали контуры берега. Песчаная коса переходила в галечный пляж, а за ним — чёрная стена леса. Вдалеке, на скале, смутно угадывались очертания чего-то огромного — возможно, старый маяк или бункер, окутанный туманом.

Джон бесшумно ступил на берег.

Его шрам на затылке горел. Не просто чесался, а именно горел, словно под кожу вживили раскалённую проволоку. Джон поморщился, потирая основание черепа.

Осколок. Маленький, размером с рисовое зерно, застрявший глубоко в черепе после контузии в Афганистане. Врачи тогда говорили, что его невозможно извлечь без риска повредить ствол мозга. "Живи с ним", — сказали они. "Он не мешает".

Но он мешал. Всегда.

Осколок давал о себе знать перед опасностью — тупой, пульсирующей болью, которая распространялась от затылка к вискам. Это был его внутренний барометр, и сейчас он показывал штормовое предупреждение.

«Эмми на «Винтагро». Лаборатория под горой. Она видела капсулы...»

Испуганное лицо Эмми с флешки стояло перед глазами, перекрывая шум прибоя. Джон достал из разгрузочного жилета ПНВ (прибор ночного видения), но не надел. Батарейки были на вес золота, а лунный свет давал достаточно контраста для его натренированных глаз.

Он двинулся в лес, ступая так, чтобы носок ботинка сначала касался земли, а затем переносился вес. Бесшумно. Как тень.

Лес встретил его запахом. Джон остановился, принюхиваясь. Хвоя, влажная земля... и гниль. Сильная, тошнотворная вонь разлагающейся органики. Он медленно снял предохранитель с «Глока-19». Щелчок прозвучал в тишине как выстрел, но Джон замер, вслушиваясь.

Ничего. Ни птиц, ни насекомых. Лес был мёртв. Но мёртвый — не значит пустой.

Лес вокруг был не просто тихим — он был наблюдающим. Высокие, чёрные стволы сосен стояли слишком близко друг к другу, как тюремные решётки. Их корни, покрытые мхом, вздымались из земли, словно пальцы мертвецов, пытающихся выбраться наружу. Под ногами хрустел мох и гнилые ветки, но звук поглощался мгновенно, словно лес не хотел, чтобы кто-то услышал его шаги.

Впереди, между деревьями, клубился странный туман. Не белый, как утренний, а зеленоватый, болезненный. Он висел низко, цеплялся за стволы, заползал в щели между корнями. И в этом тумане тропинка казалась живой — она извивалась, уходила вглубь, приглашая идти дальше, глубже, туда, где свет луны уже не доставал.

Джон остановился. Его шрам горел сильнее.

Он чувствовал это кожей. Лес был другим. Не просто заброшенным — враждебным. Как будто деревья знали, что он здесь. Как будто они ждали его.

Где-то в глубине, за зелёной пеленой тумана, что-то скрипнуло. Ветка? Или шаг?

Джон медленно поднял пистолет, палец лёг на спусковую скобу. Он стоял неподвижно, вслушиваясь в эту давящую тишину.

Ничего.

Только туман. Только деревья. Только ощущение, что за его спиной кто-то стоит.

Он обернулся.

Пусто.

Но когда он повернулся обратно, ему показалось, что тропинка стала уже. Что деревья приблизились. Что туман стал гуще. Стиснув зубы, затаив дыхание, Джон двигался дальше.

Он шёл около часа, ориентируясь по бумажной карте, которую выучил ещё на катере. Порто-Винта должна была быть в двух километрах от точки высадки.

Когда деревья начали редеть, Джон увидел деревню.

С высоты небольшого холма она выглядела как декорация к фильму ужасов. Деревянные дома с покосившимися крышами стояли вдоль узкой улицы, спускающейся к воде. Ручей расширялся, превращаясь в небольшую речку, которая вела к старой пристани.

Джон остановился на краю, всматриваясь в тёмную воду. Причал был построен из старых, почерневших от времени досок, многие из которых прогнили и провалились. К нему были привязаны несколько деревянных лодок — маленькие, рыбацкие, с облезлой краской. Они покачивались на спокойной воде, как мёртвые жуки на спине.

Вода была чёрной, как нефть, и настолько спокойной, что отражала небо и скалы с пугающей чёткостью.

Вдалеке, за водой, возвышался маяк. Он стоял на высокой скале, словно призрак, застывший в полумраке над водой, покрытой густой туманной дымкой. Его очертания терялись в облаках, но массивные стены всё равно давили взглядом, доминируя над всем островом.

Джон прищурился. В самой верхней точке башни, в кромешной темноте, едва заметно пульсировал тусклый красный свет. Он был очень далеко, но Джон смог его увидеть.

«Там кто-то есть, — пронеслось в его голове, и шрам на затылке пульсировал в такт этой мысли. Там кто-то живёт».

Это был не просто заброшенный навигационный знак. Это была крепость. И кто-то наблюдал оттуда за этой мёртвой деревней.

Джон отвёл взгляд, стараясь не задерживаться на маяке слишком долго. Инстинкт подсказывал ему: если ты слишком долго смотришь на хищника, хищник тоже замечает тебя.

Он обошёл пристань стороной, стараясь не шуметь. Лодки тихо скрипели, ударяясь о деревянные сваи. Вода плескалась о камни берега, и этот звук был единственным в мёртвой тишине.

Он двинулся дальше, к деревне.

В центре возвышалась небольшая каменная церковь с высокой, устремлённой в небо колокольней. Её острый шпиль с покосившимся крестом на вершине пронзал низкое, свинцовое небо. Стены здания почернели от времени и сырости, словно впитали в себя всю тьму этого острова.

К церкви вела узкая, поросшая мхом тропинка. По обе стороны от неё тянулись старые каменные столбы — остатки некогда аккуратной изгороди. Ржавые кованые прутья местами прогнулись под тяжестью лет, а местами и вовсе вырваны с корнем.

Голые деревья окружали здание, их ветви, переплетаясь, создавали над крышей подобие чёрного свода. Туман стелился по земле, обволакивая старые ступени крыльца, обвивая основания каменных столбов.

Джон остановился, озирая здание. Окна церкви были тёмными, стёкла в рамах давно выбиты. Массивная деревянная дверь с железными петлями была приоткрыта, зияя чёрной пастью. Но Джон не собирался туда заходить. Инстинкт и опыт подсказывали: в таких местах всегда прячется что-то плохое.

Джон спустился к окраине, прижимаясь к каменному забору. Он достал из кармана маленький тактический фонарь.

Он перелез через забор, оказавшись на заднем дворе первого дома. Трава была высокой, по пояс. Джон бесшумно пробирался к углу дома, обошёл его и вышел на главную улицу, вымощенную булыжником. Туман стелился по земле, цепляясь за его ботинки.

В центре деревни, на небольшой площади, стоял старый колодец. Каменная кладка местами обвалилась, деревянный навес сгнил и покосился. На перекладине сидели две вороны, их глаза блестели в лунном свете. Цепь лежала рядом, свернувшись кольцом.

Джон обошёл колодец стороной и двинулся к дому с горящим окном.

Двухэтажный особняк возвышался над остальными постройками, словно гнилой зуб в челюсти мертвеца. Викторианская архитектура — резные карнизы, эркерные окна, широкая веранда с колоннами — когда-то делала его гордостью деревни. Теперь краска облезла клоками, обнажая серую, почерневшую древесину. Крыльцо покосилось, ступени провалились. Окна на втором этаже были разбиты, из одного — того самого, где мерцал свет — свисала грязная занавеска, колыхаясь на ветру, как флаг капитуляции.

Джон поднялся по скрипучим ступеням, стараясь наступать на края досок — там, где они ещё держались. Дверь была приоткрыта. Он толкнул её плечом.

Внутри пахло плесенью, сыростью и чем-то сладковатым — запахом разложения, который он уже узнал слишком хорошо.

Он оказался в гостиной, которая когда-то была столовой. Посреди комнаты стоял огромный дубовый стол, накрытый грязной скатертью. На нём — остатки ужина: тарелки с заплесневелой едой, бутылки вина, опрокинутые бокалы. Свечи в канделябрах догорели, оставив после себя чёрные потёки воска. Хрустальная люстра висела криво, один из рожков отломился и лежал на полу.

Стены были покрыты трещинами, обои отслаивались пластами. В углу — большое зеркало в тёмной раме, его поверхность покрылась паутиной трещин.

Джон прошёл дальше, в кухню. Здесь было ещё хуже. Старая газовая плита ржавела, на стенах висела кухонная утварь — всё покрыто слоем грязи и копоти. Окно было грязным, занавески сгнили. На столе — чашки, миски, всё перевёрнуто, разбито.

Он сделал шаг вперёд — и его ботинок наступил на что-то мягкое.

Джон замер. Посветил фонарём вниз.

Это была рука. Человеческая. Отделённая от тела по локоть. Пальцы были скрючены, ногти обломаны, а на запястье всё ещё висели дешёвые наручные часы. Крови вокруг не было — она высохла, превратившись в чёрную корку. Но следы волочения вели к узкой деревянной лестнице, ведущей на второй этаж, оставляя на пыльных ступенях тёмные, прерывистые полосы.

Джон медленно поднял оружие. Его сердце билось ровно, спокойно. Адреналин не затуманил разум, а наоборот, сделал мысли кристально ясными. Это была его работа. Его проклятие.

Он поднялся по лестнице на второй этаж, следуя за кровавым следом. Доски скрипели под его ногами, каждый шаг отдавался эхом в пустом доме.

В конце коридора, посреди комнаты, он увидел женщину.

Она была очень худая, с длинными, спутанными тёмными волосами. На ней был грязный рабочий комбинезон и клетчатая рубашка. В правой руке она сжимала старые, ржавые сель-

скохозяйственные вилы. Она стояла спиной к нему и что-то бормотала. Нечленораздельное. Похожее на старое старушечье ворчание.

— Эй! — крикнул Джон, не опуская оружия. — Вы как?

Бормотание прекратилось.

Женщина медленно, с неестественным хрустом костей, начала поворачиваться. Сначала голова — слишком медленно, словно шея была сломана. Потом плечи. Потом всё тело.

Джон отшатнулся от того, что увидел.

Её лицо было серым, кожа облезала клоками, обнажая тёмную плоть. Но страшнее всего были глаза — мутные, белёсые, затянутые катарактой, без единого признака сознания. На лбу и щеках виднелись тёмные пятна. Рот был приоткрыт, из него сочились нити слюны. И запах. Даже с расстояния в пять метров Джон почувствовал тошнотворную вонь разлагающейся плоти, смешанную с запахом мочи и ещё чем-то кислым.

Но взгляд Джона скользнул ниже, к её левой руке.

Её рукав был пуст. Ткань рубашки обрывалась на уровне локтя, края были рваными, залитыми той же чёрной, запёкшейся кровью.

Та самая рука с дешёвыми часами на запястье лежала сейчас внизу, на кухне.

Женщина протянула в его сторону свой обрубок руки. Её губы зашевелились, и из горла вырвался не крик, а пронзительный, режущий слух визг — как скрежет металла по стеклу.

И тут из соседней комнаты вышел ещё один.

Огромный мужчина с длинной, спутанной бородой, в грязной, рваной одежде. Его лицо было покрыто шрамами, глаза — такие же мутные и мёртвые.

Мутант издал рёв — хриплый, булькающий, полный ярости и голода — и рванул вперёд с неестественной для такого тела скоростью.

Джон вскинул «Глок-19», но дистанция сократилась мгновенно.

Здоровяк летел на него, как разъярённый бык, не обращая внимания на ствол, направленный ему в грудь. Инстинкты, отточенные годами войны, взяли верх над шоком. Джон не отступил. Он шагнул навстречу, уходя с линии атаки, и в упор выстрелил дважды.

Тхип-тхип.

Два глухих хлопка глушителя. Пули калибра 9 мм вошли точно в сердце. Брызнула чёрная, дегтярная кровь, окрасив стену за спиной мутанта.

Но тварь не упала.

Она даже не замедлилась. Ноги продолжали нести его вперёд. Огромное тело рухнуло на Джона, сбивая с ног. Они покатились по гнилым доскам пола. Джон почувствовал чудовищный вес и запах гнилого мяса. Он упёрся ботинком в грудь мертвеца и с криком отшвырнул его, чувствуя, как под его подошвой хрустят рёбра.

Он вскочил на ноги, вскидывая пистолет. Два глухих хлопка. Пули вошли точно в лоб, между бровей. Череп треснул с характерным звуком. Тварь рухнула.

В это время безрукая была уже здесь. Она двигалась не как человек, а как сломанная марионетка, дёргаясь и извиваясь. Её единственная рука сжимала ржавые вилы. Она замахнулась, целясь Джону в лицо. Ржавые зубья рассекли воздух в сантиметре от его глаз.

Джон ушёл в сторону, но она была неестественно быстрой для своего истощённого тела. Вилы царапнули по бронежилету, оставляя глубокие борозды на кевларе. Женщина взвизгнула — тот самый режущий слух звук — и попыталась вцепиться в него зубами.

Джон убрал «Глок» в кобуру одной рукой, а другой выхватил из ножен на бедре тактический нож. Лезвие блеснуло в полумраке.

Она снова замахнулась вилами. На этот раз Джон не стал уходить. Он шагнул вперёд, внутрь её атаки. Его левая рука метнулась вверх, перехватывая её правое запястье — то самое, что сжимало вилы. Он почувствовал, как под его пальцами пульсирует холодная, мёртвая

плоть. Она была сильной. Нечеловечески сильной. Её пальцы сжимались, пытаясь вырваться и вонзить зубья в его горло.

Джон стиснул зубы, упираясь ногами в пол. Он использовал её же инерцию, её же ярость.

Резкий рывок её руки на себя. Одновременно — удар коленом в солнечное сплетение. Женщина согнулась, её рот открылся в беззвучном крике.

Поворот корпуса — и в этот момент его правая рука с ножом нанесла удар снизу вверх. Лезвие вошло прямо под нижнюю челюсть, пробивая кость, мягкое нёбо и уходя глубоко в череп, достигая лобных долей.

Женщина замерла. Её мутные глаза расширились, а из горла вырвался последний, булькающий хрип. Чёрная кровь хлынула по лезвию, капая на пол. Джон резко выдернул нож, и тело безвольно рухнуло к его ногам.

Джон отступил на шаг, тяжело дыша. Его грудь вздымалась, пульс бил в виски. Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. Не от страха, а от адреналинового шока.

Он посмотрел на трупы. На чёрную кровь, которая не была похожа на человеческую. На то, как они продолжали двигаться даже после смертельных ранений. На пустой рукав женщины и оторванную руку на кухне внизу.

Что это за хрень? — пронеслось в его голове.

Он вспомнил испуганное лицо Эмми на экране ноутбука. Её дрожащий голос: «В лаборатории происходит что-то ужасное...».

Билли думал, что она просто напугана. Но Джон, стоя посреди этой вонючей, залитой чёрной кровью комнаты, понял одну вещь.

Эмми была права. Она даже не представляла, насколько она была права.

И он вляпался не просто в опасную миссию. Он спустился в ад.

Джон вытер нож о штаны мутанта и медленно поднялся на ноги. Его дыхание было тяжёлым, в ушах звенело от адреналина. Он перезарядил «Глок» — щелчок магазина прозвучал как выстрел в тишине комнаты — и вышел на улицу.

Туман стал гуще. И из него выходили они.

Первым появился худой, как скелет, мужчина в рваных серых штанах. Его тело было покрыто шрамами и швами, словно его сшивали из кусков. Следом — босой мужчина в грязном жилете и рубашке, его кожа была серой, глаза мутными. Третий шёл в мокрой, облепленной грязью одежде, вода стекала с него, как будто он только что вышел из реки.

Их было больше. Десятки. Они выходили из переулков, из-за домов, из тумана. Медленно. Молчаливо. Их шаги шаркали по булыжнику, создавая ритмичный звук приближающейся смерти.

Джон быстро сосчитал. Дюжины три. Может, больше.

Чёрт.

Он отступил к центру улицы, держа пистолет двумя руками. Его мозг работал быстро, анализируя дистанции, углы, приоритеты целей. Но столько на одного — это не тактика. Это самоубийство.

Первый бросился. Худой с шрамами. Джон выстрелил — пуля вошла в глазницу, но тварь продолжала идти. Второй выстрел — в лоб. Мутант рухнул.

Но остальные уже были близко.

Джон стрелял, перезаряжался, стрелял снова. Каждый выстрел — точный, в голову. Но их было слишком много. Один из мутантов — тот, что в мокрой одежде — оказался слишком близко. В его руке блеснул ржавый кухонный нож.

Джон попытался отскочить, но поскользнулся на влажной земле. Нож полоснул по его левому предплечью, разрезая ткань куртки и кожу. Боль была резкой, горячей, но неглубокой. Повезло.

Он отшвырнул мутанта ударом ноги и выстрелил ему в голову. Но рука уже дрожала, кровь стекала по пальцам, делая рукоять пистолета скользкой.

И тут из тумана вылетела чёрная тень.

Маленькая, но невероятно быстрая кошка прыгнула на спину мутанта, который был ближе всех к Джону. Её когти вцепились в его плечи, зубы — в горло. Мутант взревел, пытаясь стряхнуть зверя, но она держалась мёртвой хваткой, её яркие глаза горели чистой яростью.

Джон использовал этот момент. Два выстрела — и мутант рухнул вместе с пантерой. Пантера отскочила, её пасть была мокрой от крови, и она фыркнула.

Сзади неё туман дрогнул.

Он не просто рассеялся от ветра — он расступился, словно повинуясь невидимой воле. Из густой, молочно-белой пелены выплыла фигура. Высокая, стройная, движущаяся с плавной, хищной грацией, от которой замедлили шаг даже мертвецы. Она не шла — она скользила, словно сама повелевала этим туманом и смертью, что таилась в нём.

Она была одета в чёрное. Матовая ткань поглощала и без того скудный лунный свет, а глубокий капюшон скрывал лицо, превращая её в безликого призрака, сотканного из теней и ночи. Эта загадочность давила на разум сильнее, чем всё происходящее.

Но настоящим центром притяжения был клинок в её правой руке.

Длинный, слегка изогнутый меч, чья сталь холодно и ярко блестела в темноте, резко выделяясь на фоне чёрной экипировки и серого тумана. Он не просто лежал в её руке — он был её продолжением. То, как уверенно и легко её пальцы обхватили рукоять, говорило об абсолютном, пугающем мастерстве. Она не сжимала оружие в панике сражения. Она держала его так, как хирург держит скальпель, или как палач держит топор — с холодной, безупречной уверенностью в том, что именно нужно сделать.

Она двигалась бесшумно, как тень, как призрак. Её глаза цвета штормового моря, единственное, что было видно в полумраке, встретились с взглядом Джона на долю секунды.

И в этот миг время остановилось.

Джон не знал её. Не знал имени, не знал истории. Но этот взгляд — холодный, пустой, бесконечно усталый — был до боли ему знаком. Он видел его каждое утро в зеркале. Он видел его в отражении витрин, когда шёл по пустым улицам города. Он видел его в кошмарах, когда просыпался в три часа ночи, тянулся к холодной стороне кровати и вспоминал, что Мэри больше нет.

Это был взгляд человека, который умер вместе с кем-то, но забыл вовремя упасть.

В её глазах не было страха перед мертвецами. Не было паники. Только та же звенящая пустота, что и в его собственных. Пустота, которая остаётся, когда забирают всё, что имело значение.

Она тоже потеряла кого-то, — пронеслось в его голове. — Или что-то. Что-то, что делало её человеком.

Эта мысль ударила его сильнее, чем нож мутанта. Он увидел в ней не просто незнакомку с мечом. Он увидел отражение себя. Другого призрака, бродящего по этому аду.

Но времени на размышления не было. Мутанты окружали их.

Незнакомка сделала первый шаг вперёд. Её меч описал широкую дугу, отсекая голову ближайшему мутанту. Тело рухнуло, фонтан чёрной крови окрасил булыжник.

Джон понял. Без слов. Без объяснений.

Они двигались как единый механизм. Девушка работала мечом — быстрые, точные удары, каждый из которых был смертельным. Она не тратила силы на лишние движения. Её тело было оружием, отточенным до совершенства.

Джон прикрывал её слепые зоны. Его «Глок» говорил короткими, контролируемыми выстрелами. Тхип-тхип. Тхип-тхип. Каждый выстрел — в голову. Пантера металась между их ног, вцепляясь в ноги, заставляя мутантов спотыкаться и падать.

Они отступали. Медленно, шаг за шагом, к церкви. Мутанты падали, но их было слишком много.

— К церкви! — крикнул Джон, и его голос, хриплый и твёрдый, разрезал тишину. — Мы укроемся там!

Кара кивнула. Они отступали к каменному зданию с острым шпилем, оставляя за собой дорогу из чёрной крови и тел.

Один из мутантов попытался преградить им путь. Кара сделала выпад, её меч вошёл в грудь твари, но застрял в кости. Мутант схватился за клинок, пытаясь вытащить его.

Джон подбежал и выстрелил в упор. Тело рухнуло.

Кара выдернула меч, стряхивая кровь, и они вбежали в церковь. Джон захлопнул тяжёлую деревянную дверь и задвинул железный засов.

Снаружи раздались глухие удары. Мутанты пытались войти. Но древние петли выдержали.

Тяжёлые дубовые двери дрожали от глухих, ритмичных ударов снаружи, но внутри церкви повисла звенящая, почти осязаемая тишина. Только их прерывистое дыхание и тяжёлое, влажное фырканье пантеры нарушали покой.

Они смотрели друг на друга через полумрак. Два незнакомца. Два выживших. В каменном склепе, окружённые мертвецами.

Лицо девушки скрывал чёрный капюшон. Но Джон умел читать людей без слов, особенно тех, кто только что вышел из мясорубки. Он видел, как ровно она держит спину, как её пальцы, сжимающие рукоять меча, не дрожат ни на миллиметр, несмотря на адреналиновый откат. Она не дрожала от страха. Она не паниковала. Она стояла в идеальной боевой стойке, оценивая его, его оружие, его намерения.

И в этот момент Джона пронзило холодное, отрезвляющее осознание.

Эта девушка — оружие. Идеально отлаженный, смертоносный механизм, созданный для убийства. Такое же, как он сам. А может быть, и куда опаснее. Потому что за её капюшоном не было видно человеческих эмоций. Не было ни жалости, ни ужаса, ни колебаний. Только холодная, расчётливая пустота и сталь в руке.

Он медленно, очень медленно опустил ствол «Глока-19» к полу, показывая, что не собирается стрелять. Но палец остался на спусковой скобе.

— Кто ты? — спросил он. Его голос прозвучал хрипло, но твёрдо, эхом отразившись от высоких сводов церкви.

Кара медленно подняла руку, отодвинула капюшон.

Волосы — тёмные, тяжёлые, слегка влажные от пота и тумана — рассыпались по плечам, падая мягкими волнами. Несколько прядей прилипли к щекам, обрамляя лицо, которое не должно было существовать в этом аду.

Джон замер.

Это было не просто красивое лицо. Это было лицо, которое останавливало время. Резкие, почти аристократичные черты — высокие скулы, чёткая линия подбородка, прямой нос. Кожа бледная, почти фарфоровая, с лёгким румянцем на скулах от холода и напряжения. Но главное — глаза.

Серо-голубые. Холодные, как лёд в трещинах ледника, но с какой-то глубокой, пугающей пустотой внутри. Они смотрели на него без страха, без мольбы, без надежды. Только с тихим, усталым принятием того, что мир жесток, и она — его часть.

В полумраке церкви, при тусклом свете, пробивающемся сквозь витражи, она казалась почти нереальной. Как призрак воина, сошедший со страниц забытых саг. Как последний ангел, который забыл, как летать, и научился убивать.

Но Джон видел не только красоту. Он видел то, что скрывалось за ней. Тонкие линии усталости вокруг глаз. Лёгкую дрожь в уголках губ, которую она пыталась скрыть. То, как её пальцы всё ещё сжимали рукоять меча, словно боялись отпустить.

Она была сломана. Так же, как он. Так же, как все, кто выжил в этом аду.

Но в этой сломанности была сила. Не та сила, что ломает. А та, что выдерживает.

Джон моргнул, отгоняя наваждение. Он не знал, кто она. Не знал её имени, её истории, её боли. Но в этот момент, глядя в её глаза цвета штормового моря, он понял одно:

Они оба — призраки. Бродящие по миру мертвецов. И, может быть, именно поэтому они нашли друг друга здесь.

— Кара, — сказала она тихо, и её голос был хриплым, но спокойным. — Меня зовут Кара, а это Нира.

Нира тихо фыркнула, словно представляясь тоже.

Джон медленно кивнул.

— Джон, — ответил он. — Джон Диггери.

За дверью продолжались удары. Мутанты не сдавались. Но внутри церкви, в полумраке, повисла тишина. Два сломанных человека и одна пантера смотрели друг на друга, понимая, что их пути только что сплелись в тугой, опасный узел.

Глава 6. Одни среди мёртвых.

Тяжёлые дубовые двери дрожали от глухих, ритмичных ударов.

Бум. Бум. Бум.

С каждым ударом с потолка старой церкви осыпалась мелкая известковая пыль, оседая на скамьях и каменном полу. Но древние петли и массивный железный засов, который Джон задвинул в последнюю секунду, держали. Пока держали.

Внутри царила гнетущая, давящая тишина, нарушаемая лишь их прерывистым дыханием.

Луна пробивалась сквозь уцелевшие фрагменты высоких витражей, раскрашивая пол и ряды покосившихся деревянных скамей кроваво-красными и болезненно-синими пятнами. Воздух был спёртым, тяжёлым. Он пах старой пылью, тухлым воском и сыростью, въевшейся в камень за десятилетия запустения. В центре зала, под высоким, теряющимся во мраке куполом, стоял массивный каменный алтарь. На его поверхности лежала толстая пелена пыли, а позади него, в глубокой нише, едва угадывалась тёмная, потрескавшаяся фреска. Её выцветшие лики, казалось, смотрели на них с немым укором.

Джон прислонился спиной к холодной каменной стене алтаря, в нескольких метрах от двери. Он медленно, стараясь не делать резких движений, опустил «Глок» и осмотрел своё левое предплечье. Рваная рана от ржавого ножа мутанта кровоточила. Кровь была обычной, алой.

Он достал из разгрузки индивидуальный перевязочный пакет, рванул упаковку зубами и начал туго перематывать руку, стиснув зубы от неприятной боли.

Кара наблюдала за ним из полумрака.

Она не убирала меч. Её пальцы по-прежнему сжимали рукоять, но стойка стала менее напряжённой. Её обострённые чувства работали на полную мощность в этом замкнутом пространстве. Она слышала, как учащённо бьётся сердце Джона. Чувствовала резкий, металлический запах его крови, смешивающийся с запахом старой пыли и гнили, который они принесли с улицы.

Нира бесшумно подошла к Каре и села рядом, её яркие глаза не отрывались от Джона. Пантера тихо, низко заурчала — не угрожающе, а настороженно.

— Убери оружие, — тихо сказал Джон. Его голос прозвучал хрипло, но спокойно, эхом отразившись от высоких сводов. — Я не причиню тебе вреда.

Джон закончил перевязку, затянул узел и медленно поднял на неё взгляд.

— Ты не местная. Ты не из корпорации. И ты владеешь клинком так, как не учат в гражданских секциях. Так кто ты?

Кара не вышла из тени.

— Они называли меня «Образец 07», — прошептала она.

Голос её дрогнул, и она сжала челюсти, чтобы скрыть это. В её взгляде мелькнул страх. Не перед ним, а перед тем, что она собиралась произнести вслух. Сделать этот кошмар реальным.

Она смотрела на Джона, и внутри неё всё сжималось. Ей хотелось выкрикнуть всё. Рассказать про красный свет, про трупы в капсулах, про то, как много она видела крови. Ей хотелось упасть на этот холодный каменный пол и разрыдаться, как ребёнок, чтобы кто-то просто обнял её и сказал, что это сон. Но она не могла. Горло скребло, а слёзы жгли глаза, но она моргнула, прогоняя их и заставила свой голос звучать ровно.

— В лаборатории под горой, — продолжила она, и в тоне её сквозило недоверие, холодная настороженность. Она неосознанно сделала шаг назад, не убирая меча. — Я очнулась в капсуле. Я не помню, как туда попала. Не помню своего прошлого. Я нашла форму. Оружие. А потом... потом я услышала звук.

Кара посмотрела на пантеру, и её взгляд на секунду смягчился.

— Я нашла её. Ниру. Она бы погибла там. Я не могла оставить её. Мы выбрались на поверхность. Я услышала звук мотора. Увидела, как ты вышел на берег. Я шла за тобой.

— Шла за мной? — Джон нахмурился.

— Я видела, что они окружили тебя, — тихо ответила Кара. — Силы были неравны. Ты бы не выжил. В этом лесу, в этой деревне... везде монстры. Ты был единственным, кто выглядел как человек. Единственным, кто не пытался меня разорвать. Поэтому я рискнула.

Джон смотрел на неё, и что-то внутри него ёкнуло. Он хотел верить. Но годы войны научили его: в этом мире ложь убивает быстрее пули. Он медленно поднял руку и коснулся пальцем шрама на затылке. Шрам не ныл, не предупреждал его.

Джон замер. Пальцы медленно, почти неосознанно, сдвинулись с курка.

— Ты сбежала из «Vis», — медленно произнёс он. Не вопрос. Утверждение.

— Я выбралась, — поправила Кара, и в её голосе вернулась сталь.

Она не стала говорить ему о том, что она мутант и как заживают её раны. Это было её оружие, её тайна, которую она пока не собиралась раскрывать даже этому незнакомцу. Пусть думает, что ей просто повезло.

— Лаборатория мертва, — продолжила она. — Она разрушена и заброшена. Генераторы отказали, всё разбито. Я была там одна.

Она перевела дыхание, чувствуя, как Нира прижимается к её ноге, словно чувствуя хозяйку.

— Но я совершенно не знаю это место, — сказала Кара, оглядываясь на тяжёлые двери, в которые всё ещё глухо били снаружи. — Не знаю, что бродит в этом лесу. Я знаю только, что мне нужно уйти отсюда. Подальше от этого места.

Джон видел в её глазах не ложь, а такую же усталую решимость выжить, какая горела в нём самом.

— Я ищу девушку, — сказал Джон, его голос стал тише, но твёрже. — Эмми Свон. Она работала в лаборатории. Я должен найти её.

Кара замерла. Нира тихо фыркнула, уловив перемену в настроении хозяйки.

Джон помолчал, подбирая слова.

— Её брат прислал меня сюда, — сказал он. — Он получил видео и координаты острова. Эмми записала его перед тем, как исчезнуть. Сказала, что в лаборатории творится что-то ужасное и она боится за свою жизнь.

Кара покачала головой, её взгляд сузился.

— Джон, подумай. Лаборатория мертва. Генераторы отказали, связь отключена. Там нет электричества и полный разгром. Я не знаю, где она сейчас, — медленно произнесла Кара, выбирая слова. — Но когда я выбиралась из лаборатории, я видела списки. Имена подопытных. Её имени среди них не было. Значит, она точно жива. Скорее всего, её перевели в другое место.

Она подняла голову и посмотрела в сторону высокого витража, за которым в темноте скрывались скалы.

— Я видела огни, — сказала Кара. — Когда мы выбирались на поверхность. На скале что-то вроде Маяка. Там горит свет. Тусклый, но он есть.

Джон прищурился. Это меняло всё. Если лаборатория мертва, но Маяк активен...

— Они забрали персонал и самых «стабильных» подопытных туда, — продолжила Кара. — Маяк — это не просто навигационная башня. Это их командный центр. Крепость. Если Эмми жива, она там.

Она посмотрела на Джона, и в её взгляде мелькнуло что-то, что он не сразу смог прочитать. Не просто решимость. Что-то более глубокое, более личное.

— Я помогу тебе найти её, — сказала Кара тихо. — В одиночку тебе будет сложно, ты же видел, на что они способны.

Но в глубине души за этой фразой, скрывалось кое-что еще. То, о чём она не скажет вслух. Она хотела найти ответы. Кто они? Зачем они это сделали с ней? Почему её тело чинит себя само? Почему она не помнит своего прошлого? Может, в Маяке, в их архивах, в их проклятых экспериментах, она найдёт ключ к тому, кто она на самом деле.

Джон кивнул. Он не знал, что скрывается за её словами, но видел в её глазах ту же жажду, что горела в нём самом. Жажду ответов. Жажду справедливости.

— Решено, — сказал он. — Мы идём к Маяку вместе.

Кара открыла рот, чтобы ответить, но тут Нира напряглась.

Её уши прижались, шерсть на загривке встала дыбом. Она тихо, низко зарычала — не на дверь, не на Джона. На алтарь.

Кара проследила за её взглядом.

Джон мгновенно выхватил «Глок», следуя за её взглядом, и направил ствол в сторону алтаря.

— Что она видит? — прошептал он.

Кара медленно подняла меч, её обострённый слух уловил то, что пропустил Джон. Не скрежет. Не шаги.

Скрип.

Тихий, протяжный звук старого механизма. Металл о камень.

И тут они увидели, как каменная плита алтаря — та самая, на которой лежала толстая пелена пыли — медленно, с глухим стоном начала опускаться. Она уходила вниз, открывая тёмный проём. Из него пахнуло сыростью, землёй и чем-то ещё. Чем-то древним.

— Катакомбы? — прошептала Кара, и в её голосе прозвучало удивление. — Под церковью есть катакомбы.

Джон не опустил оружие, но его взгляд метнулся от проёма к двери. Удары снаружи не прекращались.

— Это может быть ловушка, — сказал он.

— Или путь, — возразила Кара. Она подошла к алтарю и заглянула в проём. Внизу в кромешной тьме, виднелись каменные ступени, уходящие глубоко под землю. — Мутанты снаружи. Их десятки. Мы не прорвёмся. Но если под церковью есть старый ход...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.